

УДК 316.4/6

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-202-211

ПРИВАТНОСТЬ И ПУБЛИЧНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КАТЕГОРИИ

Чеснокова Леся Владимировна

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск)

В последние десятилетия в исследовательских стратегиях по отношению к изучению пространства произошли изменения. Если ранее оно воспринималось как неподвижный «контейнер», вместилище для людей и предметов, никак не влияющее на общественные процессы, то сейчас признаются реципрокные отношения между пространством и социумом. Пространство влияет на поведение людей, и люди преобразуют его в соответствии с экономическими, политическими и культурными особенностями своей эпохи. Тот же подход можно применить при изучении публичности и приватности. В качестве публичного пространства понимается по большей части среда, открытая для публики: улицы, парки и т.п., в то время как область приватного — это в первую очередь жилье как место семейной жизни. Будучи социокультурными конструктами, публичное и приватное пространства не являются изначально заданными. В европейских обществах Нового времени в связи с процессами урбанизации и индивидуализации постепенно растет потребность в своем собственном, закрытом от посторонних, помещении. Нахождение в публичном или приватном пространстве влияет на поведение человека, который вынужден играть социальную роль на публике и может вести себя естественно в семейном кругу. Так, разделение публичного и приватного в XIX в. воспринимается как дихотомический образец социального порядка, считающегося естественным и данным от природы. Формируются строго разделенные гендерные роли, влияющие на нормы мужского и женского поведения. Мужчина должен проводить большую часть жизни вне дома, зарабатывая семье на существование. В обязанности женщины входит создание домашнего уюта и забота о детях. Однако в современном понимании социальные конструкты публичности и приватности не считаются «природными» или «естественными». Публичное и приватное пространства всегда заново конструируются в зависимости от социокультурных процессов и потому не имеют онтологически заданного характера.

Ключевые слова: социология пространства, пространственный поворот, производство пространства, приватное пространство, публичное пространство, локальная приватность, гендерные роли.

PRIVACY AND PUBLICITY AS SOCIO-SPATIAL CATEGORIES

Lesya V. Chesnokova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk)

In recent decades, there have been changes in research strategies concerning the study of space. It used to be perceived as a motionless «container», a receptacle for people and objects that does not affect social processes in any way, but now reciprocal relations between space and society are recognized. Space affects human behavior, and people transform it in accordance with the economic, political and cultural characteristics of their era. The same approach can be applied to the study of publicity and privacy. The public space is generally understood as an environment open to the public: streets, parks, etc., while the private area is primarily a place of living, a place of family life. Being sociocultural constructs, public and private spaces are not originally specified. In European societies of the Modernity, due to the processes of urbanization and individualization, the need for one's own accommodation, closed from outsiders, is gradually increasing. Be-

ing in a public or private space affects the behavior of a person, who is forced to play a social role in public and can behave naturally in the family circle. The separation of the public and the private in the 19th century is perceived as a dichotomous example of the social order, considered to be natural. There are formed strictly differentiated gender roles that influence the norms of male and female behavior. A man should spend most of his life outside the home, earning money to maintain his family. It is a woman's responsibility to create home comfort and care for children. However, in the modern sense, social constructs of publicity and privacy are not considered «innate» or «natural». Public and private spaces always depend on sociocultural processes and therefore do not have an ontologically determined character.

Keywords: sociology of space, spatial turn, space production, private space, public space, local privacy, gender roles.

Введение

Вопросы изучения пространства в последнее время неизменно вызывают интерес представителей самых разных дисциплин: философии, социологии, культурологии, антропологии, архитектуры, урбанистики. По отношению к пространственной тематике в научных исследованиях происходят изменения, связанные с так называемым «пространственным поворотом». Все социальные и гуманитарные науки «так или иначе упираются в вопросы пространства, поля, пространственного воображения, топологию места, топологическую составляющую сообществ» [Макогон Т.И., 2012, с. 167].

Ранее пространство понималось как материальный феномен, некое место, локация, постоянная физико-географическая величина, существующая как бы независимо от человека и никак не влияющая на социальные процессы, и потому она оставалась вне поля зрения гуманитарных наук. Гораздо больший интерес у исследователей вызывала история как наука, связанная со временем, прогрессом, изучающая происходящие в жизни человека и общества изменения. Пространство же воспринималось как некий «контейнер», вместитель для всех материальных объектов. Предпосылки к новой концептуализации пространства появились в начале XX в., в особенности в связи с теорией относительности А. Эйнштейна. Постепенно приходит осознание, что пространство в социальных процессах производится и изменяется. Пространство понимается как продукт деятельности человека, результат материального освоения природы, место взаимодействия человека и общества.

Это ведет к признанию того, что восприятие пространства всегда формируется в результате социальных связей и отношений. Между пространством и обществом существуют реципрокные отношения: с одной стороны, «про-

странство не может быть определяемо как априорная природная данность, существующая независимо от социальных процессов, как физико-материальный “контейнер”: материальность пространства всегда существует в социальном контексте» [Ruhne R., 2011, S. 73]. С другой стороны, социальная данность может быть понята через ее материально-пространственные условия. В этом случае пространство берется не как независимое и абсолютное, а мыслится только по отношению к социальному миру как зависимое от людей и человеческих действий. Становится очевидным, что окружающий нас социальный мир также разделен и размечен на различные пространства. Иначе говоря, «физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений» [Бурдье П., 2007, с. 53].

История изучения пространства в социальных науках

Итак, пространственные структуры можно понимать и описывать как формы социальных структур. «Близость и удаленность, наличие или отсутствие своего места, идентификация местоположения человека или группы с малым или обширным пространством, пустота, нейтральность пространства и многое другое суть сугубо социальные определения» [Филиппов А.Ф., 2008, с. 116].

Сам термин «социология пространства» был предложен Г. Зиммелем, который в своих трудах задается вопросом о том, какое значение имеют пространственные порядки общества и как на его развитие влияют пространственные границы, близость и дистанция, а также соседские отношения. По его мнению, исторические формы общества существуют как так называемые «про-

странственные образования» в определенном месте: деревне, городе, регионе. Величина пространства и теснота отношений влияет на взаимоотношения людей. Небольшой населенный пункт, где все жители знали друг друга, «клат личности пределы, — ее передвижению и внешним сношениям, ее самостоятельности и внутренней дифференциации, — пределы, в которых современный человек задохнулся бы» [Зиммель Г., 2002, с. 8]. Чем меньше пространства, чем теснее взаимоотношения, тем ревностнее общество следит за мыслями, чувствами, поведением индивида. И, соответственно, чем больше это пространство, тем больше свободного пространства ему предоставляется.

Еще одним исследователем, внесшим значительный вклад в социальное изучение пространства, был А. Лефевр, написавший работу «Производство пространства» (1974). Он попытался преодолеть дуальность субъекта и объекта, духовного и материального, ментального и физического пространства. Центральный тезис А. Лефевра гласит, что пространство не является независимой материальной субстанцией, а представляет собой общественно-исторический продукт, который неразрывно связан с социальной реальностью. Социальное пространство генерируется на трех плоскостях: на физической, ментальной и социальной и производится через социальное и культурное действие. Общество создает и изменяет пространство. «Способ производства, наряду с некоторыми социальными отношениями, организует — производит собственное пространство» [Лефевр А., 2015, с. 14]. Лефевр пишет о социальной продуктивности пространства. Он полагает, что существуют пространственные элементы, влияющие на отношения в социуме. Развитие всех человеческих сообществ локализовано в том или ином месте с его природно-климатическими условиями. Не может быть внепространственных социальных отношений. Следовательно, невозможно научное изучение общества, не учитывающее пространственный компонент.

«Социальное пространство» является центральным термином и в трудах П. Бурдьё, задающим топологическую перспективу его исследованиям. Бурдьё понимает пространство как социально сконструированное и маркированное. Физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, объективация социальных отношений. Человек

представляет собой и биологическое, и социальное существо. Как физические тела и биологические индивиды люди перемещаются в определенном физическом пространстве, которое может быть помыслено как абсолютно (как часть территории, которую занимает субъект), так и относительно (с точки зрения его положения по отношению к другим социальным акторам и предметам). Если физическое пространство определяется как некая локализация, занимаемое место, то социальное пространство — как структура рядоположенности социальных позиций. «Социальные агенты помещены в некое место социального пространства, которое может быть охарактеризовано через его относительное положение по сравнению с другими местами (выше, ниже, между и т.п.) и через дистанцию, отделяющую это место от других» [Бурдьё П., 2007, с. 50].

Физическое пространство, по Бурдьё, дополняется для анализа общества с помощью «социального пространства», которое образует «социальный мир» как структуру социальных позиций. Бурдьё понимает в смысле «социальной топологии» общество как систему положений, основывающихся на отношениях власти. Пространство понимается как силовое поле, в котором субъекты определяются на основании их позиции внутри этого пространства. Это «пространство отношений столь же реально, как географическое пространство, и перемещения внутри него оплачиваются работой, усилиями (идти снизу вверх — значит подниматься, карабкаться и нести на себе следы и отметины этих усилий)» [Бурдьё П., 2007, с. 18]. Поскольку общество имеет иерархическую структуру, все позиции в нем являются отражением иерархического порядка.

Положение агентов социального взаимодействия в пространстве зависит от их габитусов. Габитус определяется как «система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающиеся структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик» [Бурдьё П., 2007, с. 75]. Бурдьё полагает, что можно физически занимать некое пространство, но социально не соответствовать ему, если субъект не имеет определенного габитуса. Так, выходцы из низших слоев общества могут физиче-

ски находиться в дорогом районе, но их привычки, сформированные в процессе социализации, не дают возможности адекватного социального употребления этого места обитания.

Чувство положения, занимаемого в социальном пространстве, раскрывается через ощущение позиции, занятой в этой структуре, осознание социальных границ и социальной дистанции. Следовательно, социальное пространство — это место, где «власть утверждается и осуществляется, без сомнения, в самой хитроумной своей форме — как символическое или незамечаемое насилие: архитектурные пространства, чьи бессловесные приказы адресуются непосредственно к телу» [Бурдье П., 2007, с. 52]. В архитектурных пространствах воплощена символика власти.

Публичное и приватное пространства как продукты социокультурных процессов

Представления о реципрокных отношениях пространства и общества можно перенести на исследования публичного и приватного пространств. Публичность и приватность также не существуют сами по себе, а являются продуктами диалектически связанных между собой процессов, которые взаимно имплицитуют друг друга. К. Кекайс полагает, что эти пространства являются «продуктом общественного процесса и практик, а также результатом субъективного восприятия, стратегий приспособления, которые конституируются в действиях и переживаниях социальных акторов» [Kecskes C., 2017, S. 37].

В качестве публичного пространства понимается по большей части городское «внешнее» пространство: улицы, площади, парки и т.п., в то время как приватное пространство — это в первую очередь жилье как место семейной жизни. Публичная и приватная сфера разработана не только как теоретическая схема социального порядка и социальных отношений, но и материализуется конкретно в тесно связанном с этой дихотомией разделении публичного и приватного пространств, требующих своих собственных образцов поведения.

Исходя из предпосылки социальной сконструированности пространства, следует понимать приватное и публичное пространства не как нечто неизменное, неподвижное, данное от природы, а как результат социально-культурных процессов, т.е. в этом контексте следует применять не абсолютистский, а реляционный подход.

Не материальное пространство самостоятельно производит из себя публичность и приватность, а «социальная практика через атмосферу, дискурс, действие и т.п. наполняет его смыслом и значением» [Ruhne R., 2011, S. 94–95]. В свою очередь, материальное пространство, будучи или публичным, или приватным, воздействует на поведение человека.

Приватность и публичность следует рассматривать как социальные конструкты. Как пространство воздействует на социальные процессы и отношения, так и, наоборот, физические пространственные отношения не возникают сами по себе, а являются результатом социальных процессов и социальных практик. Нормативные образцы поведения играют значительную роль в создании пространства. В основе пространственных процессов лежит нормативная регуляция, т.е. связанные с поведением в том или ином обществе нормы, законы и ценности. Будучи подкрепленными потенциальными санкциями за их нарушение, социальные нормы регулируют желательное или запрещенное поведение субъекта в определенной ситуации. Нормы опираются на представления о ценностях, свойственных конкретной исторической эпохе.

Приватность вплетена в общественный нарратив и как продукт общественных процессов подвержена постоянным изменениям. Согласно определению Б. Рёслер, «приватным считается нечто, к чему можно самостоятельно контролировать доступ» [Rössler B., 2001, S. 23]. При этом это «нечто» можно понимать как физически конкретно, так и метафорически. Концепт приватности предполагает наличие как материальных, так и нематериальных границ между приватным и публичным пространствами и наделяет сферу приватного такими атрибутами, как безопасность, защищенность, уютомность и возможность уединения.

Как физическое, так и социальное пространство не может трактоваться как некий пассивный неподвижный фон, на котором происходит социальное взаимодействие. На пространство оказывают влияние процессы и события, происходящие в обществе, и само пространство влияет на социальное бытие. «Сущность социального пространства представлена характером социального взаимодействия. Оно продуцируется внутренними мирами взаимодействующих, являясь в то же время выражением социальной реальности, внешней по отношению к субъектам» [Ви-

ноградова Н.Л., 2005, с. 53]. Исходя из этих характеристик приватность и публичность определяются не как статичные образования, а как динамичные социальные конструкты, устанавливаемые в результате признания границ, которое происходит благодаря договоренностям, принятым социальным акторам.

У приватности и публичности — в физическом и метафизическом смысле — имеются пространственные атрибуты: близость-дистанция, открытость-закрытость и т.п. Их баланс подразумевает возможность быть открытым и доступным для одних и закрытым и недоступным для других. Городское пространство также не статично, границы открытости-закрытости для различных социальных слоев там постоянно меняются. Они подвержены процессам «приватизации» как со стороны представителей элиты, закрывающей доступ в свои районы для большинства городского населения, так и со стороны социальных низов, превращающих некоторые районы в гетто, куда избегает заходить «приличная» публика [Мельников М. В., 2017].

Следовательно, приватность и публичность — это диалектика открытости-закрытости. Их следует понимать «не как неподвижные, застывшие контейнеры материальной или идеальной природы. Скорее, необходимо указать на относительность этих пространств и на гибкую регуляцию доступа к этим пространствам со стороны социальных акторов в различных социальных контекстах» [Keckeis C., 2017, S. 26]. Потребность в приватности и публичности меняется в зависимости от социальных контекстов и жизненных обстоятельств. Сможет ли индивид получить желаемую степень приватности, зависит от многих факторов.

Социокультурное развитие практик публичности и приватности

Человек влияет на пространство, преобразуя его. Социальная сконструированность пространства, его динамичность и изменчивость указывают на то, что для анализа тех или иных феноменов приватного или публичного их ни в коем случае не следует понимать как вневременную универсалию. Хотя различие публичной и приватной областей жизни существовало уже в древнегреческих городах-государствах, в историческом процессе представления об этих сферах подвергались существенным изменениям. Воспринимаемая нами сегодня как сама собой разумею-

щаяся граница между публичностью и приватностью и соответствующие им различные образцы поведения образовались только в эпоху Нового времени.

Дихотомия между публичностью и приватностью зависит от исторического и культурного контекста и представляет собой открытый для изменений социальный конструкт. «Наряду с социальной сконструированностью и тем самым имплицитной изменчивостью следует признать, что пространства конструируются как публичные и приватные ни в коем случае не в произвольном порядке и что они, в свою очередь, также влияют на социальные процессы» [Ruhne R., 2011, S. 95–96]. Каждое общество производит свое собственное публичное и приватное пространства.

Пространственная практика и репрезентации пространства меняются в зависимости от эпохи и исторически и культурно обусловлены. Отношение к пространству зависит от времени, общества и социального слоя. Это отражается в архитектуре различных эпох. В эпоху барокко господствовали помпезные величественные интерьеры, где полагалось постоянно играть социальную роль. Во времена Людовика XIV человек жил только при дворе и для двора: он был влиятельной личностью в том случае, если он имел возможность представать перед монархом, который вообще не имел приватности.

В архитектуре рококо монументальные и помпезные резиденции барокко постепенно заменяются на более скромные городские и летние резиденции, в которых наибольший приоритет получает внутреннее пространство. Здесь присутствует большая интимность, удобство, более скромные пропорции, что соответствует разделению на публичную, представительную и приватную, интимную жизнь. Характерным для этой эпохи зданием является не роскошный помпезный дворец, а небольшой особняк, обставленный с не репрезентативной, а приватной роскошью. Общество, устав от пафоса и торжественности, начинает ценить радости укромной жизни в приватном мире.

В дальнейшем, в буржуазную эпоху, вместе с развитием индивидуализма нарастает тяга к приватному пространству. Бывший «целый дом», где хозяева, их ближние и дальние родственники, слуги и подмастерья составляли единую домашнюю общину, превращается в отдельное жилище малой буржуазной семьи, за-

крытое для публики. В результате нарастающей тяги к уединению в нем происходит дифференциация помещений. В обеспеченных слоях считается желательным, чтобы у каждого человека была «комната для себя» [Вулф В., 2019].

Особенно сильно на становление современных представлений о приватности и публичности повлиял XIX в. Дихотомия приватного и публичного пространств была введена в западный культурный круг в ходе общественных изменений, которые происходили в тесной связи с тогдашней индустриализацией. Введенные в этот период условия производства, требовавшие концентрации рабочих мест, привели к постепенно увеличивавшемуся пространственному разделению на места производительного труда и нуклеарной семьи и домашнего хозяйства. Обе эти сферы строго отделены друг от друга.

Введение дихотомического порядка публичности и приватности было обусловлено ранее неизвестным отделением жилого дома и считавшейся приватной нуклеарной буржуазной семьи от публичности. Улица и городское публичное пространство перестали быть составной частью дома. В этот период происходит противопоставление сурового внешнего мира: места борьбы, конкуренции, добывания средств к существованию — и его противоположности: мира любви и гармонии, семейного очага, счастья и отдыха в кругу семьи. С тех пор материально-пространственное разделение публичного и приватного воспринимается как дихотомический образец социального порядка, считающегося естественным и данным от природы. Связь физического пространства с социальными правилами и нормами следует понимать как конструкцию для создания образцов поведения в публичном и приватном пространствах. В тесной связи с материально-пространственными данностями и социальными нормами возникают два различных типа поведения, которые ведут к дуальной организации общества.

Став одной из важнейших общественных норм в XIX в., дихотомия публичного и приватного пространства одновременно превращается в разграничительную линию между полами. Как само собой разумеющееся в социальном порядке понимается не только различие между публичным и приватным, но и между мужским и женским — в бытовом, повседневном понимании и в научных сочинениях. Формируются строго разделенные гендерные роли, влияющие на

нормы мужского и женского поведения. Возникает противопоставление образа сильного рационального мужчины, добытчика и защитника и пассивной эмоциональной женщины, хранительницы домашнего очага. Мужчина должен проводить большую часть жизни вне дома, зарабатывая семье на существование. В обязанности женщины входит создание домашнего уюта и забота о детях.

Дихотомизация пространства на мужское и женское диктует обоим полам различные культурные образцы поведения. Подобное разделение функций базируется на идеях гендерного эссенциализма, согласно которым существует врожденное различие характеров обоих полов. Согласно этим представлениям женщина «по природе» принадлежит приватному пространству, а мужчина — публичному. Пространство диктует разные нормы и правила поведения. Отсюда вытекает также исключение женщины из публичного пространства, якобы чуждого ее натуре.

Однако в современном понимании публичное и приватное пространства уже не являются «природными» или «само собой разумеющимися». В своей социальной сконструированности публичные и приватные общественные структуры рассматриваются как «открытые, динамичные и изменяющиеся» [Ruhne R., 2011, S. 115]. Публичное и приватное пространства всегда заново конструируются в зависимости от социальных процессов и потому не имеют онтологически заданного характера — они могут меняться и пересматриваться. Представления о публичности и приватности также, в свою очередь, воздействуют на социальные процессы.

Изучение пространства и приватности предполагает восприятие пространства как социального продукта и важной составной части социальной коммуникации. Как приватность, так и публичность метафорически обозначают в пространственных терминах (пространство, сфера, территория), которые обладают атрибутами пространства: границами, протяженностью, вместимостью. В пределах публичного и приватного пространств располагаются предметы и действуют субъекты. Пространство «связывает между собой ментальное и культурное, социальное и историческое, объединяя их в единую практику» [Лефевр А., 2015, с. 11]. Если способ организации пространства воздействует на общество и, в свою очередь, зависит от экономи-

ческих, политических, культурных условий этого общества, значит, он меняется вместе с изменениями, происходящими в обществе. Объекты материального пространства: улицы, площади, дома и т.п. — сами по себе не производят из себя приватности или публичности, а лишь социально-культурная практика наделяет их этими значениями.

Жилище как локальная экспликация приватности

Наиболее очевидна связь приватности с локальной экспликацией. В первую очередь приватность приписывается таким местам, как дом, квартира, комната. Собственные четыре стены понимаются как институционализированное пространство приватного и интимного. Символика приватности тесно связана со структурным отграничением ее от публичной сферы, а также со смысловым содержанием социальных действий людей в этих пространствах. «Дом существует как упорядочивающая структура и тем самым как квазидействующее лицо. Так как материальность и пространственность домашнего ансамбля окружает и воздействует на повседневные отношения между людьми внутри и снаружи дома, на отношения между полами, поколениями, семьей и прислугой, человеком и животными» [Eibach J., 2015, S. 27]. Не только человек обустроивает свое домашнее пространство, исходя из собственных вкусов и потребностей, но и дом влияет на человека.

Представления о приватном и интимном связываются с недоступными для публики помещениями: домом, квартирой, комнатой, которые потому и являются приватными, что не каждый желающий имеет к ним доступ. В основе приватности лежит ее географическая локализуемость, а также ее закрытость и сепарация от публичного. Приватности приписываются такие свойства, как укромность, защита, контроль доступа и возможность уединения и отдыха от необходимости играть социальную роль. Х. Арендт пишет о защитной области двора и дома «где только и можно сберечь и утаить то, что прежде было естественно хранимо надежностью собственных четырех стен и ограждено от глаз толпы» [Арендт Х., 2000, с. 90]. Концепт локального аспекта приватности акцентирует физические, материальные границы между приватным и публичным пространствами.

В концепции Б. Рёслер приватность предполагает возможность контролировать доступ в приватное помещение, а значит, — возможность уединения или общения с ограниченным кругом близких людей. Эта особенность приватных помещений является необходимым условием для автономной жизни [Rössler B., 2018].

Помещения не становятся приватными или публичными сами по себе, а конституируются социальными нормами. «Специфический порядок построения жилых помещений, который установлен с помощью материальных границ — стен, а также связанные с этим возможности и ограничения обусловлены социальными нормами и репродуцируются через социальные и культурные практики» [Keckeis C., 2017, S. 45].

Архитектурные пространства задумываются как публичные или приватные уже в процессе планирования и возведения, причем нормативные представления о приватности обуславливают концепцию конструирования приватных пространств. Принадлежность к тому или иному типу пространства влияет на действия и поведение индивида. Пространство помогает определять, в какой ситуации он находится, и задает особенности поведения людей, действующих в той или иной социально-культурной реальности. Приватная сфера может носить ситуативный характер, она зависит от воли человека и предполагает активную позицию субъектов, которые самостоятельно могут установить желаемую степень приватности.

Пространство, в котором мы обитаем, является социально размеченным и сконструированным. Человек, как правило, спит в спальне, завтракает на кухне, смотрит телевизор в гостиной и т.д. «Спальня» и «кухня» — «не просто объективные характеристики физического места, но именно социальные характеристики, отражающие практические правила, эмоции или рутинные действия» [Филиппов А.Ф., 2008, с. 239]. Действие и поведение в том или ином пространстве социально обусловлены. Эту способность пространства определять поведение человека можно назвать властью.

С другой стороны, человек также влияет на пространство, приспособляя его к своим вкусам и потребностям. Так, в европейских обществах Нового времени в связи с развитием индивидуализма и ростом потребности в своем собственном помещении изменилась архитектура жилых домов, в которых наблюдалась посте-

пенная тенденция к росту числа комнат и дифференциации помещений по их функциональному назначению. В европейском культурном пространстве можно проследить значительные изменения при переходе от так называемого «целого дома», который существовал в Средневековье и в раннее Новое время, к буржуазной «нуклеарной семье».

Пространство влияет на человека, его поведение зависит от публичности или приватности пространства: на многолюдной площади он ведет себя иначе, чем в своей комнате. В публичном пространстве постоянное сознание присутствия зрителей вызывает необходимость позировать и играть социальную роль. Как отмечает Ю.М. Лотман, манера поведения представителя русской дворянской культуры зависела от вида пространства. Существовало два основных типа поведения, определяемые нахождением в том или ином пространстве: нейтральное, «естественное» («приватное») и сознательно театрализованное («публичное»). Поведение в разных типах пространства представляет собой особую семиотическую систему. Камерное, «партикулярное» поведение сознательно противопоставляется публичному ритуалу. Торжественному, ритуальному, публичному поведению русские дворяне обучались с детства, как иностранному языку, а обычное, бытовое усваивалось естественно. «Первое, в частности, подразумевает публично-зрелищный характер, второе совершается при закрытых дверях, в тесном кругу “своих”» [Лотман Ю.М., 2002, с. 237]. Пространство было как бы разделено на сценические площадки, и переход из одной в другую сопровождался сменой типа поведения.

Согласно теории драматургической социологии И. Гофмана, социальное пространство разделено на зону переднего плана (публичное) и заднего плана (приватное), в которых действуют разные системы правил поведения. Зона переднего плана — это место, где дается социальное представление перед зрителями. Исполнение ролей на переднем плане предполагает усилия и напряжение, часто идущие вразрез с истинным настроением. Исполнение социальной роли призвано поддерживать имеющиеся нормы и стандарты.

Зона заднего плана, или «закулисье», — это место, где прячутся скрываемые от публики факты. Здесь хранятся реквизиты для социального спектакля. «Костюмы и другие атрибуты

здесь изучаются, приводятся в порядок и подгоняются к характеру ожидаемой публики» [Гофман И., 2000, с. 149]. За кулисами актер может расслабиться, на время выйти из образа, поскольку, как правило, вход за кулисы, где хранятся секреты спектакля, скрыт для публики.

В публичном и приватном используется два языка поведения: один неформальный, или закулисный, и другой — официальный язык для социального спектакля. Неофициальный язык состоит из «взаимных обращений просто по именам, откровенных замечаний, курения, небрежного стиля одежды, “кисельной” осанки, употребления диалектной или ненормативной лексики, бесцеремонности поведения» [Гофман И., 2000, с. 165].

Пространство влияет на поведение человека. «Каждый знает, что имеется в виду, когда говорят о “комнате” в квартире, об “угле” улицы, о “площади”, о рынке, о торговом или культурном “центре”, о публичном “месте” и т.д.» [Лефевр А., 2015, с. 31]. В процессе социализации дети обучаются воспринимать помещения как публичные или приватные и использовать их соответствующим образом, что согласуется с пространственными практиками того или иного общества. Это восприятие связано с получаемым в процессе социализации знанием о действующем социальном нормировании этих помещений. В процессе социализации ребенок учится правильно «читать» пространство и выбирать присущий ему тип поведения.

Заключение

Таким образом, в настоящее время в научных исследованиях, посвященных изучению пространства, произошли существенные изменения. Пространство более не рассматривается как неподвижный контейнер, статичноеместилище для людей и социальных процессов, признается взаимосвязь пространства и общественных отношений. Социальный мир воздействует на пространство, и материальная среда влияет на отношения в обществе.

Эту же концепцию можно применить и к изучению публичного и приватного пространств, которые также не существуют сами по себе, а являются продуктом диалектически связанных между собой процессов. Общественные изменения, в частности, рост индивидуализма в европейском обществе Нового времени, вызвали потребность в приватном помещении, наличии

«комнаты для себя» и повлияли на архитектуру. Происходит четкая дифференциация между публичностью и приватностью. Приватные помещения изолируются и закрываются от посторонних. Происходит дифференциация жилых помещений в зависимости от их функций.

Находясь в том или ином виде, пространство воздействует на поведение человека, который в процессе социализации учится «читать» пространство и приспосабливать свое поведение к тому месту, где он находится. Публичному и приватному пространству соответствуют разные социальные нормы поведения. Если на публике индивид вынужден играть социальную роль, то в уединении или в общении с близкими людьми он может позволить себе естественное и непринужденное поведение. На основании определения пространства как диалектического процесса, который имплицитно активную роль индивида, можно констатировать, что, с одной стороны, пространство диктует индивиду как себя вести, с другой стороны, отношение к пространству зависит от социальных акторов. Пространство является социально сконструированным и размеченным. Границы между публичным и приватным изменчивы и устанавливаются в зависимости от социально-культурных норм.

Список литературы

Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.

Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

Виноградова Н.Л. Социальное пространство и социальное взаимодействие // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 39–54.

Вулф В. Своя комната / пер. с англ. Д. Горяиновой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 144 с.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 304 с.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3(34). URL: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения: 07.02.2021).

Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.

Макогон Т.И. «Пространственный поворот» и возможность новационных подходов в социально-философском дискурсе // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6. С. 167–172.

Мельников М.В. Общественное пространство города и его приватизация: анализ социологических подходов // Теория и практика общественного развития. 2017. № 9. С. 8–11. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.9.1>

Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 290 с.

Eibach J. Das Haus in der Moderne // Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch / hg. von J. Eibach, J. Schmidt-Voges. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. S. 19–37. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110358988-004>

Keckeis C. Privatheit und Raum — zu einem wechselbezüglichen Verhältnis // Räume und Kulturen des Privaten / hg. von E. Beyvers, P. Helm, M. Hennig, C. Keckeis. Wiesbaden: Springer, 2017. S. 19–56. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-14632-0_2

Rössler B. Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2018. 443 S.

Rössler B. Der Wert des Privaten. Fr. a. M.: Suhrkamp Verlag, 2001. 384 S.

Ruhne R. Raum. Macht. Geschlecht. Zur Soziologie eines Wirkungsgefüges am Beispiel von (Un)sicherheiten im Öffentlichen Raum. Wiesbaden: VS Verlag, 2011. 238 S. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-531-93355-9>

Получена: 08.02.2021. Принята к публикации: 05.03.2021

References

Arendt, H. (2000). *Vita activa, ili o deyatelnoy zhizni* [The human condition]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 437 p.

Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 288 p.

Eibach, J. (2015). [The house in the modern]. *Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch* [The house in the history of Europe: a handbook]. Berlin: De Gruyter Publ., pp. 19–37. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110358988-004>

Filippov, A.F. (2008). *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 290 p.

Goffman, E. (2000). *Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The presentation of self in everyday life]. Moscow: KANON-Press-C Publ., 304 p.

Keckeis, C. (2017). [Privacy and space — to an interchangeable relationship]. *Räume und Kulturen des Privaten* [Spaces and cultures of the private]. Wiesbaden: Springer Publ., pp. 19–56. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-14632-0_2

Lefebvre, H. (2015). *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Moscow: Strelka Press Publ., 432 p.

Lotman, Yu.M. (2002). *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and Typology of the Russian Culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 768 p.

Makogon, T.I. (2012). [«Spatial turn» and the possibility of innovative approaches in social and philosophical discourse]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. Vol. 321, no. 6, pp. 167–172.

Mel'nikov, M.V. (2017). [The urban public space and its privatization: the analysis of sociological approaches]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 9, pp. 8–11. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.9.1>

Rössler, B. (2001). *Der Wert des Privaten* [The value of the private]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag Publ., 384 p.

Rössler, B. (2018). *Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben* [Autonomy. An attempt at successful life]. Berlin: Suhrkamp Verlag Publ., 443 p.

Ruhne, R. (2011). *Raum. Macht. Geschlecht. Zur Soziologie eines Wirkungsgefüges am Beispiel von (Un)sicherheiten im Öffentlichen Raum* [Room. Makes. Gender. On the sociology of an effect structure using the example of (uncertainties) in public space]. Wiesbaden: VS Verlag Publ., 238 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-531-93355-9>

Simmel, G. (2002). *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [Big cities and spiritual life]. *Logos*. No. 3(34). Available at: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (accessed 07.02/2021).

Vinogradova, N.L. (2005). [Social space and social interaction]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Humanities]. No. 2, pp. 39–54.

Woolf, V. (2019). *Svoya komnata* [A room of one's own]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 144 p.

Received: 08.02.2021. Accepted: 05.03.2021

Об авторе

Чеснокова Леся Владимировна

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры социологии

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
644077, Омск, пр. Мира 55а;
e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443>
ResearcherID: AAS-4500-2021

About the author

Lesya V. Chesnokova

Ph.D. in Philosophy, Senior Lecturer
of the Department of Sociology

Dostoevsky Omsk State University,
55a, Mira av., Omsk, 644077, Russia;
e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443>
ResearcherID: AAS-4500-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чеснокова Л.В. Приватность и публичность как социально-пространственные категории // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 202–211.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-202-211

For citation:

Chesnokova L.V. [Privacy and publicity as socio-spatial categories]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 202–211 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-202-211